

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Отдел аспирантуры

Реферат

**к кандидатскому экзамену по истории и философии
науки на тему:**

Историко-филологический и аналитический подходы к изучению истории философии

Подготовил аспирант
Земляков Глеб Сергеевич

(подпись)

Научный руководитель
Лебедев Сергей Павлович

(подпись)

Проверил: _____
(оценка)

Лебедев Сергей Павлович

(подпись)

Санкт-Петербург
2019 г.

Центральное место в историко-философской науке занимает метод. Ни одно исследование в области истории философии не мыслимо без соответствующей методологической оптики. Это своеобразное «стекло» или «очки», через которые историк видит прошлое философии. Они являются необходимым условием понимания всей истории философии. Очки эти во многом определяют то, каким образом историк моделирует корпус истории философии, каким образом он ее видит и пишет.

Существует масса различных проектов истории философии. Начало всем этим историко-философским моделям задают фундаментальные философско-исторические программы, такие как метод философской герменевтики, экзистенциальной философии, метод деконструкции, семиотики, и т.п. Особое место среди всевозможных исследовательских методов занимают аналитический и историко-филологический подходы, каждый по-своему задающие тон и направление истории философии.

Широко распространен в историко-философской науке исторический, социально-культурный или историко-филологический подход. Он заключается в выявлении связи между конкретными социально-экономическими, политическими, религиозными и иными культурно-историческими феноменами, и целыми философскими учениями или отдельными феноменами в истории философской мысли. Не последнее место здесь занимает филологический разбор значений слов, многое проясняющий в отношении высказываний прежних философов. Историко-филологический подход в целом направлен на воссоздание контекста, в котором был рожден соответствующий текст или конкретное философское учение.

Иначе обстоит дело с аналитическим подходом, направленным не столько на описание или дешифровку аутентичного текста, сколько на его объяснение, на интерпретацию отдельных учений, философских тезисов и понятий. Особое место здесь занимает формально-логический разбор высказываний и понятий прежней философии, а также обнаружение общего проблемного поля в истории философии. Это проблемное поле связывает

рассматриваемое историком учение с современной ему философией, а также позволяет проследить развитие философской тематики и проблематики на протяжении целых эпох истории философии.

Помимо историко-филологического и аналитического подходов, историки философии часто используют многие другие исследовательские методы и модели их классификации. Однако в отличие от крупных философско-исторических проектов они не столь фундаментальны и всеобъемлющи. Например, часто используются такие методы, как «презентизм» и «антикваризм», «контекстуализм» и «апроприационизм», историцизм и рационализм, исследовательский подход, школьный и авторский методы, и многие другие. Несмотря на различное обозначение историко-философских методов, большинство из них может быть сведено к историко-филологическому и аналитическому подходам. Эти подходы не задают отчетливое направление или цель истории философии, т.е. они не являются телеологическими. Тем не менее, оба подхода максимально полно формируют историко-философский инструментарий и характеризуют то специфическое знание, которое изучает историк философии.

Оба подхода задействуют такие общие в исторической науке технические принципы или приемы, как объяснение и понимание. Так, историко-филологический подход не только направлен на описание, на понимание исторического подтекста или контекста, но также на его реконструкцию и интерпретацию. С другой стороны, аналитический подход, каким бы отвлеченным характером он не отличался, также всегда имеет в виду некоторый текст и напрямую связан с ним, т.е. описывает его.

Историко-философский и аналитический подходы имеют свои слабые и сильные стороны. Поэтому следование только одному из них ограничивает исследование, делает его односторонним.

Принципиальная ограниченность обоих подходов вызвана самой природой философского знания, с которой всегда имеет дело историк. На данное обстоятельство обращал внимание уже Г.В.Ф. Гегель,

подчеркивавший в своих лекциях по истории философии тесное родство между философией и историей философии.

Подчеркивая близкое родство обеих дисциплин, немецкий мыслитель указывал на таящееся в этом отношении противоречие: «Относительно истории философии нам раньше всего может прийти в голову мысль, что в самом этом предмете содержится явное внутреннее противоречие. Ибо философия хочет познать неизменное, вечное, сущее само по себе; ее цель – истина. История же сообщает о том, что существовало в одно время, а в другое время исчезло и вытеснено другим. Если мы исходим из того, что истина вечна, то она не входит в сферу преходящего и не имеет истории. Если же она имеет историю, то, так как история есть лишь изображение ряда минувших образов познания, в ней нельзя найти истину, ибо истина не есть минувшее»¹. Понятно, что историческое описание философии, направленной на вечную и неизменную истину, несколько противоречит самой природе истории, уравнивающей философов в их претензии на истинное знание.

Несмотря на указанное Гегелем противоречие, история философии неотделима от самой философии, они находятся в неразрывной связи. Это хорошо понимал сам Гегель, создатель собственной философии и соответствующей ей историко-философской концепции.

Философская мысль сама по себе исторична, благодаря чему многие выдающиеся философы были также историками, а историки философии – великими философами. Одно здесь часто предполагает другое. Чтобы профессионально заниматься философией, необходимо знать ее историю. Но чтобы на должном уровне заниматься историей философии, необходимо самому быть отчасти философом. Получается своеобразный круг: «история философии сама по себе – форма философского размышления, а философия сама по себе – форма историко-философского дискурса»². Этим своим

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1. – СПб.: «Наука», 2006. С. 74.

² Кузнецова Н.И. История философии *contra* философия // История философии: история или философия? Алёшинские чтения – 2015: Материалы международной конференции. – М.: РГГУ, 2015. С. 12.

характером история философии в принципе отличается от любой другой истории, будь то история науки или искусства.

История науки зиждется на идее прогресса, на экспериментальном характере научных знаний. Философия, стремящаяся к постижению собственной истины, отличается от науки тем, что в ней не наблюдается никакого прогресса. Иначе в истории философии можно было бы усмотреть существование общепринятых теоретических установок в виде истинных посылок, единые методологические стандарты, нормы философской деятельности, и тому подобное. Именно такую картину «мы наблюдаем в естественных науках, где ученые, получив новые результаты, преодолевают и отбрасывают старые научные теории, как ненужные и ошибочные»³. Не так в философии. «Труды Платона и Аристотеля сегодняшние исследователи изучают так же скрупулезно, как много веков назад, а знакомство с аргументами этих выдающихся древнегреческих мыслителей для современного философа имеет столь же большое значение»⁴. Эта особенность историко-философских исследований обусловлена самим характером философии, ее объектом и соответствующей плоскостью истинности философских высказываний, тезисов и понятий.

Отличие истории философии от истории искусства и культуры в целом тоже существенно. Так, например, чтобы «быть историком живописи или музыки, не обязательно быть самому художником или музыкантом (возможно, и нежелательно), но, чтобы быть историком философии, необходимо быть также и философом. Это связано с тем, что историческое истолкование в истории философии предполагает такое искусство владения словом и такую глубину проникновения в мысль философа прошлого и *за* ее пределы – в настоящее, какие могут быть только у философа»⁵. Историк

³ Медведев Н.В. История философии как наука: проблемы и перспективы развития // Вестник ТГУ. 2011. №1. С. 46.

⁴ Медведев Н.В. История философии как наука: проблемы и перспективы развития // Вестник ТГУ. 2011. №1. С. 46.

⁵ Фалёв Е.В. История как истолкование и историко-философский метод М. Хайдеггера // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №3. С. 33.

философии должен быть в каком-то смысле конгениален тому философу, учение которого он разбирает: «историк философии должен быть, как минимум, философом, чтобы суметь понять и оценить философские идеи и истолковать их, и *сверх того* – историком, чтобы установить их исторический смысл»⁶.

Таким образом, история философии, в отличие от любой другой истории, тесно сопряжена с самой философией. Это, однако, не исключает возможности использования историком философии соответствующих сведений из общей истории, истории науки или искусства. Степень заимствований определяется принятой историком методологией.

Существующие между философией и историей коллизии также имеют различное разрешение в зависимости от принимаемой историком философии методологии. Поэтому в зависимости от подхода к истории философии, исследователь отдает свое предпочтение или истории, или философии.

История отражает единичное, она состоит из единичных событий (в том числе событий мысли), описать который призван исследователь. Историк хочет знать, какие взгляды были свойственны самим философам, он стремится выявить объект исследования в его временной чистоте⁷.

Поставленный во главу угла, историко-филологический подход ограничивает историка в его стремлении объяснить рассматриваемое им учение или феномен. Историк замыкается в эмпирическом материале и впадает в крайность, полагая, что реконструируемый им контекст полностью объясняет то или иное явление из области истории философии.

Однако, исторический контекст, уже в силу самой актуальности историко-философского исследования, непосредственно связан с

⁶ Фалёв Е.В. История как истолкование и историко-философский метод М. Хайдеггера // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №3. С. 33.

⁷ Об этом характере работы историка часто говорят отечественные историки философии, в частности С.П. Лебедев, и Ю.М. Романенко: «Предметом его заботы является стремление сохранить *специфику* эпохи, *особенность* воззрений, *неповторимость* переживаний и т.п. Стремясь к полноте рассмотрения, историк проанализирует социально-экономическое положение, политические процессы, современные тому или иному философскому учению, постарается найти уникальную историческую связь между ними и содержанием понятийного аппарата последнего» (Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 22).

собственной исследовательской позицией историка, с формальными требованиями, которые предъявляет к нему историческая наука его времени, наконец, с наличествующим перед ним материалом, археологическими сведениями, доступными источниками, и т.п. На данное обстоятельство некогда указывал отечественный философ Альберт Иванович Алёшин, писавший, что историк философии «имеет дело, как правило, с двумя контекстами изучаемых текстов. Первый из них относится ко времени рождения изучаемого текста, и попытки его реконструкции являются специальной и трудной задачей. Второй контекст – та современность, в которой текст сохраняет свое культурное и интеллектуальное значение и в рамках которого он прочитывается философом или историком философии наших дней»⁸. Понятно, таким образом, что доступные историку философии сведения, те материалы, которыми он располагает, и которые выборочно использует по своему усмотрению, само научное отношение к истории, все это создает новый контекст, в котором работает историк. Эту точку зрения ученого на его предмет никак нельзя назвать полностью объективной.

Чистота реконструкции, вернее ее объективность, представляет собой иллюзию, в которой прибывает историк философии, пытающийся добраться до истинного положения вещей. Попытка добраться до подлинной исторической реальности в рамках историко-филологического метода всегда оборачивается для ученого запечатлением только тени от нее⁹.

⁸ Алёшин А.И. История философии: о значении социокультурного контекста // История философии и социокультурный контекст – II: Материалы международной конференции. – М.: РГГУ, 2012. С. 9. На то же обстоятельство, но несколько в ином ключе, обращает внимание отечественный историк философии М.Н. Вольф: «желание подстраховать реконструируемый текст контекстом не имеет под собой оснований – контекст настолько же нуждается в реконструкции, и настолько же сложен, если не гораздо сложнее, чем текст» (Вольф М.Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сибирский философский журнал. 2017. Т.15. №2. С. 245).

⁹ То, что воспринимается «как социокультурная реальность той или иной эпохи – является не самой этой реальностью, во всем многообразии ее возможных описаний и представлений, а лишь одним из возможных описаний, воспроизведений, интерпретаций этой реальности. Таким образом, в конкретных историко-философских исследованиях мы никогда не имеем дело с предданной нам социокультурной реальностью как таковой, она не дана нам глазами всевидящего существа. Бессознательное убеждение в такой возможности – иллюзорное представление. Наши реконструкции, ставящие целью более или менее адекватное представление культурной реальности прежних эпох, находятся под сильным влиянием комплекса философских, идейных убеждений своего времени. Таким образом, устанавливая сущностную зависимость текста от социокультурного контекста его формирования, мы находимся под действием

С другой стороны, философия, в отличие от истории, отражает в себе нечто общее. Она требует, чтобы мысль уходила в последние основания всего сущего. Постигание философских идей, как и самого предмета философии, требует от ученого обращения к инструментарию собственно философской мысли, к общезначимым схемам философской аргументации, к тому общему и во многом универсальному знанию, которое обладает собственной структурой, своими законами и логикой развития¹⁰.

Поэтому история философской мысли никогда полностью не укладывается в общую историю культуры. Отсюда же следует принципиальная ограниченность философского или аналитического подхода к истории философии, не способного учесть тех социокультурных вызовов, которые могли иметь какое-то влияние на философское мышление.

Следование только философскому подходу ведет к созданию полных историко-философских абстракций, мало связанных с разбираемыми философскими учениями. На это, в частности, указывали отечественные историки философии С.П. Лебедев и Ю.М. Романенко: «Стремление к таким предельным теоретическим абстракциям выводит в той или иной мере и саму мысль философа за пределы того историко-культурного контекста, который в качестве некоего условия принимал участие в ее формировании»¹¹. Таким образом, построенное на философском или аналитическом методе

мотивов, в большинстве случаев вряд ли поддающихся полному контролю» (Алёшин А.И. История философии: о значении социокультурного контекста // История философии и социокультурный контекст – II: Материалы международной конференции. – М.: РГГУ, 2012. С. 11).

¹⁰ «Мысль отвращаясь от эмпирической, исторической базы, находит основу в себе самой, втягивается в процесс самодвижения, обретает свою логику развития, не тождественную логике развития исторических событий. Она создает понятийный аппарат, в котором отношения между его элементами – отдельными понятиями – уже не отражают особенность социокультурных феноменов, ставших в той или иной степени условиями его появления. По мере возрастания отвлеченного характера мышления философ больше руководствуется «потребностями» самого этого мышления, проверяет его на логичность, ищет понятия, отсутствие которых не позволяет построить целостную и последовательную систему представлений, т.е. создает теоретические конструкции по законам самого мышления. Отношение понятийного аппарата к культурно-историческому контексту, конечно же, сохраняется и в этом случае, однако не настолько, чтобы, отталкиваясь непосредственно от последнего, объяснять содержание первого» (Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 23).

¹¹ Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 23.

историческое исследование также не может быть названо полностью объективным, оно не учитывает двуединую природу истории философии.

Оба подхода к истории философии, историко-филологический и собственно философский или аналитический, рассматриваемые в абсолютном смысле, просто исключают друг друга. Но используемые осторожно, без абсолютизации, данные подходы не обязательно будут находиться в конфликте. Они вполне могут дополнять друг друга.

Хорошим примером синтеза философско-аналитического и историко-филологического подходов выступает так называемый «проблемный» подход, разрабатываемый отечественными, новосибирскими историками философии М.Н. Вольф и И.В. Берестовым.

По заверению авторов «проблемного» подхода, разрабатываемый ими метод содержит в себе «исторический» и «логический» компоненты, в рамках которых исследуется широкий спектр культурно-исторических проблем, напрямую связанных с исследуемой темой, а также логическая структура и принципы рациональной аргументации прежней философии.

«Исторический» принцип в рамках «проблемного» подхода состоит в поиске прямых или косвенных аналогий исследуемой конкретной проблемы с проблемами более поздних, но не слишком отдаленных в хронологическом отношении философских учений¹². Целью поиска подобных аналогий является составление общей и универсальной для всех философской картины¹³, в которой бы смогли отразиться различные разновидности единой исследуемой проблемной области. Эта область, по мнению авторов

¹² «Задача проблемного подхода, в нашей трактовке, состоит в том, чтобы представить историю раннегреческой философии через те проблемы, которые были поставлены философами, - не важно, были ли эти проблемы в явном виде сформулированы ими и сохранились во фрагментах или присутствовали в текстах или устных учениях имплицитно. В последнем случае эти проблемы могли быть сформулированы последователями, а если нет, то так или иначе в текстах могут быть прослежены некоторые решения этих проблем, на основании которых может быть реконструирована сама проблематика» (Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 39).

¹³ «На наш взгляд, подбор как можно большего количества альтернативных проблем и интерпретаций помогает сформировать проблемное поле, адекватное исследуемой концепции: если его невозможно реконструировать из самих фрагментов текстов раннегреческих философов, то это, очевидно, помогут сделать свидетельства и пересказы их учений, принадлежащих более поздним эпохам. Свидетельства могут неверно передавать решения отдельных проблем, но суть самих проблем должны отражать вполне достоверно» (Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 33).

«проблемного» подхода, очерчивает концептуальное ядро вообще всей философии. Им оказывается набор «вечных» проблем, а также совокупность решений данных проблем, не обязательно принадлежащих к какой-то отдельной эпохе истории философии¹⁴. Подобный поиск проблем и их решений в рамках «проблемного» подхода отвечает тому принципу, который можно было бы обозначить как «принцип полноты» изучаемой проблематики. Принцип этот направлен на то, чтобы пролить свет на истинное содержание исследуемой проблемы, реконструировать универсальную проблему философии и ее исторические вариации.

Впрочем, сами авторы «проблемного» подхода сознают некоторый искусственный характер данного собрания «вечных» или универсальных проблем философии. По факту, все подобные проблемы являются во многом реконструированными и сформулированными самими же историками философии¹⁵. Поэтому концептуальное ядро философии оказывается отчасти смоделированным самими же комментаторами, а историко-философское исследование не отличается полной объективностью. С другой стороны, объективность в историческом исследовании никогда не бывает абсолютно полной. Так или иначе, но реконструкция или объяснение затрагивает и историческое, в данном случае «проблемное» поле истории философии.

¹⁴ Например, авторы «проблемного» подхода указывают, что «историк философии должен представлять себе историческую совокупность проблем, поставленных в определенную эпоху, и их решений, что обеспечивает комплексный и объемный взгляд на историко-философский процесс. Это возможно только в том случае, если исследователь обладает определенной полнотой информации. Так, в идеале мы должны более или менее однозначно указать, кто именно и когда выдвинул то или иное положение, сформулировал проблему и на каких возможных вариантах ее решения остановился. Так или иначе, при прочтении источников приходится прибегать к реконструкции текстов (которая предполагает некоторый комментаторский произвол в отношении оригинала), но задача остается прежней – максимально приблизиться к оригинальному замыслу исследуемого философа» (Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // *Schöle. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2007. Т.1. №2. С. 207).

¹⁵ Так, приводя в пример античную философию, они утверждают: «Следует различать проблемы, сформулированные исследователем или интерпретатором античной философии и проблемы, поставленные и решаемые тем или иным греческим философом. Иными словами, говоря о проблемах «единое-многое» или «покой-движение», мы должны ясно понимать, что они сформулированы интерпретатором в качестве структурной базы исследования греческой философии» (Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // *Schöle. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2007. Т.1, №2. С. 221-222).

«Исторический» компонент в рамках «проблемного» подхода предполагает историческую же реконструкцию, воссоздание контекста исторической эпохи, социально-экономических и общественных условий, в которых было создано то или иное учение. Соответственно этому, воссоздание исторического контекста предполагает широкое обращение к услугам смежных наук: филологии, общей истории, социологии, этики.

«Принцип полноты» или «исторический» компонент напрямую связан с «логическим» компонентом, который сводится к выявлению имплицитной структуры аргументации в конкретном тексте или фрагменте. Этот «логический» компонент состоит не только в реконструкции аргументации, но также в формализации этой аргументации, а иногда и достраивании исходных тезисов или аргументов, посылок и заключений. Только при выявлении такой строгой формы аргументации возможно то историко-философское обобщение и нахождение универсальной проблематики философии, о которых говорят Вольф и Берестов в рамках своего проекта «проблемного» подхода и «аналитической истории философии».

Необходимо также отметить, что «логический» компонент состоит в обличении найденной универсальной проблемы, выражающих ее тезисов или аргументов, а также возможных решений этой проблемы, в четкие и аутентичные формулировки символической логики, проясняющие исходный смысл выражений и облегчающие работу с ними¹⁶.

Использование языка символической логики в отношении прежней философии оправдывается авторами «проблемного» подхода тем, что любая

¹⁶ «Философский инструментарий и методы, разработанные аналитическими философами XX в., оказываются неизменными для решения поставленных нами задач. Это методология включает в себя способы формализации аргументов, и внимание к синтаксису и логической семантике, да и просто некую повышенную требовательность к ясности языка и доводов. В конечном счете, аналитический историко-философский подход не сводится лишь к написанию формул, это, скорее, некий стиль или амбиция, основанные на презумпции нашей способности выявлять аргументацию, содержащуюся в древнем тексте, а также на презумпции рациональности этого текста, даже если сам текст посвящен религиозным проблемам» (Вольф М.Н., Бутаков П.А., Берестов И.В. Аналитическая история античной философии // *Sententiae*. 2013. №1. С. 73-74).

философская аргументация имеет единые, универсальные для всякой философской аргументации основания рациональности¹⁷.

Однако здесь необходимо сразу же оговориться. Перевод естественного языка философии, пусть этот язык отчасти искусственный и «птичий», на язык символической логики, переводит исследование конкретной историко-философской проблемы в рамки аналитической философии. Фактически происходит перевод отдельно взятой историко-философской проблемы в регистр проблем аналитической философии и современной символической логики. Подобный «перевод» оправдывается авторами «проблемного» подхода ссылкой на универсализм философской проблематики и аргументации, а также на общность человеческого мышления.

Перевод исследуемой проблемы в разряд проблем аналитической философии предполагает, тем самым, такое переосмысление формализованных выражений, аргументов, тезисов, понятий и т.п., при котором исследователь фактически по собственному усмотрению и в соответствии с собственной эрудицией достраивает или перестраивает изучаемый им конкретный текст.

Формализация языка философии и реконструкция аргументации тех или иных представителей философии тянет за собой серию вспомогательных посылок и допущений, достраиваемых или добавляемых уже самим исследователем. По факту, вместе с переводом языка философии на язык символической логики происходит принятие чуждых рассматриваемой философии современных концепций. Этот метод или компонент называется авторами «проблемного» подхода «наведением».

При помощи процедуры «наведения» выстраивается нечто вроде «логической связи», предполагающей скорее «генетическое родство» различных проблем, нежели чем правила выводимости¹⁸.

¹⁷ «... концепции раннегреческих философов мы понимаем как рациональные в своих основаниях. Под рациональностью, в свою очередь, мы понимаем не апелляцию к сверхъестественным силам, мистическому (непередаваемому) опыту, а доводы и аргументы, базирующиеся преимущественно на логических или эмпирических основаниях» (Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 55).

Собственно, само «наведение» состоит в усилении исходных выражений тех или иных философов средствами символической логики. Оно направлено на реконструкцию полной и завершенной аргументации исследуемой философии. Тем самым достигается построение исчерпывающей картины аргументации и логики мысли, которые невозможно было бы реконструировать вследствие отсутствия конкретных исторических сведений в области истории философии.

По-видимому, такое вольное отношение к исходному историческому тексту обусловлено приверженностью авторов к аналитической философии, которая «часто осуществляет подмену контекста, извлекая текст или философские концепции из их собственного исторического прошлого и помещая его в контекст современных дискуссий»¹⁹. Впрочем, подобное отношение к тексту характерно не только для новосибирских историков.

Например, петербургские историки философии С.П. Лебедев и Ю.М. Романенко справедливо замечают: «видимо, будет не очень правильно, если исследователь философского учения при его реконструкции станет ограничиваться набором понятий, выраженных лишь в «букве» текста. Мышление любого человека, тем более мышление философа, совершается не отдельными понятиями, как это может показаться на поверхности явлений. Мы мыслим системно, приводя в движение обширную категориально-понятийную сеть. Некоторые из элементов этой сети – те или иные отдельные понятия – попадают в текст, иные же остаются скрытыми, не выражаются буквально в тексте, однако это вовсе не означает, что они не

¹⁸ «Говоря о «логической» связи, мы не ограничиваем ее, например, только отношением выводимости между суждениями. Различные философские тексты оказываются «логически» связанными друг с другом через проблемы и аргументы, которые могут быть порождены посредством философской критики их интерпретаций, но вряд ли можно сказать, что эти проблемы и аргументы являются лишь результатом формализации самих текстов, или что они содержатся в этих текстах. Установленная «логическая» связь зависит от многих допущений: от выбора того языка, на который переводятся избранные для рассмотрения философские тексты, от выбора дополняющих посылок, доводящих рассуждение до полноценного умозаключения, от выбора способа перехода от менее общего или менее совершенного аргумента к более общему или совершенному. Эта процедура не может быть однозначно задана формально, она может быть названа «наведением» в одном из тех смыслов, которые придавал этому термину Аристотель» (Вольф М.Н., Бутаков П.А., Берестов И.В. Аналитическая история античной философии // *Sententiae*. 2013. №1. С. 78).

¹⁹ Вольф М.Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т.16. №2. С. 194.

«работают», что их вообще нет»²⁰. Отсюда вывод: реконструктор должен воссоздать мысленный контекст, «выявить проблемы, категории, понятия, которые в тексте, возможно, даже не обозначены прямо каким-то словом, но которые детерминировали ход рассуждений изучаемого философа»²¹.

Обнаружение и определение недостающих понятий возможно, по мнению петербургских историков философии, только при реконструкции всей категориально-понятийной сети целиком. С.П. Лебедев и Ю.М. Романенко особо подчеркивают это: «Работу, задачи, возложенные мышлением на то или иное понятие, нашедшее свое буквальное выражение в тексте, невозможно правильно интерпретировать, не имея представления обо всей категориально-понятийной системе исследуемого автора, часть элементов которой осталась вне текста»²². Только так, реконструировав основное понятийное ядро исследуемой философии, возможно передать собственно философское содержание какой-либо философии.

О подобной же «сети понятий» говорят авторы «проблемного» подхода, связывая искомые ими понятия с метафизическими допущениями²³. Эти допущения, по мнению М.Н. Вольф и И.В. Берестова, строятся на особых понятиях, которые составляют содержание дисциплинарной метафизики²⁴ и образуют фундамент «логического» компонента проблемного подхода.

²⁰ Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 26.

²¹ Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 28.

²² Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 27.

²³ «При формулировке проблем невозможно обойтись без некоторых допущений, и если проблемы философские, то допущения должны носить наиболее универсальный характер, должны быть в наибольшей степени устойчивы против критики; иначе найдутся более общие соображения, исходя из которых принятые допущения могут быть успешно опровергнуты. Мы будем именовать такого рода допущения *метафизическими* допущениями» (Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Т.1. №2. С. 209).

²⁴ «Метафизика будет рассматриваться нами как совокупность всех тех объектов (как правило, понятий), наличие и использование которых является необходимым условием для *любого* суждения, рассуждения и познавательного акта существования, либо акта целеполагания. ... Эти понятия являются неопределимыми через другие понятия и не могут описываться через них, ибо в противном случае для их определения или описания мы уже должны владеть ими, что есть порочный круг. В метафизическом рассуждении предпринимаются попытки показать, что, несмотря на всё это, эти понятия имеют какой-то смысл. Аргументация за и против осмысленности таких понятий является тем, что приводит к созданию новых метафизических концепций» (Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию

Здесь, правда, стоит заметить, что создание дисциплинарной метафизики не является актуальной задачей, преследуемой авторами «проблемного» подхода. Скорее можно говорить о разработке новосибирскими историками формально-логического скелета и воспроизведении аутентичной аргументации, свойственных той или иной философской мысли, но скрытых в ней за нагромождением терминов. Сам этот подход имеет в действительности мало общего с метафизикой, если, конечно, не считать метафизикой теорию аргументации, а также доказательства, теоремы и понятия современной символической логики.

Также необходимо отметить, что реконструкция аргументации и аутентичной логики рассуждений в рамках «проблемного» подхода невозможна без учета конкретных сведений о развитии науки (например, математики, риторики, астрономии и др.), особенно формальной логики и теории аргументации в тот или иной исторический период.

Не зная истории науки невозможно выстроить полноценное исследование в области истории философии. Это же касается и общей истории, и истории культуры вообще. Их знание необходимо историку философии, если только он не хочет заблудиться в дебрях умозрительных абстракций, мало характеризующих те скрытые, но не менее важные мотивы философской деятельности, которые всегда сопутствовали развитию отвлеченной философской мысли.

«Проблемный» подход к истории философии, нацеленный на реконструкцию рациональной аргументации и универсальной проблематики рассматриваемой философии с одной стороны, и на восстановление исторического, социокультурного контекста с другой, в целом укладывается в границы двух обозначенных выше методов: историко-филологического и аналитического подходов к истории философии. Основные элементы «проблемного» подхода, «исторический» и «логический» компоненты не

противоречат друг другу, но дополняют в части необходимости создания универсальной проблематики, свойственной философии вообще.

«Проблемный подход», таким образом, объединяет обе историко-философские методологии достаточно непротиворечивым образом, разрешая существующий между ними конфликт через воссоздание универсальной проблематики философии. Здесь находит себе место и философское размышление, представленное аналитическим методом, и сугубо историческое отношение к предмету, свойственное историко-филологическому подходу к истории философии.

Сегодня в отечественной историко-философской науке до сих пор популярны и широко используются описательные, дескриптивные или контекстуальные методы. Также часто используются совершенно отвлеченные подходы к истории философии, когда историки погружаются в собственные размышления и мыслительные абстракции, а затем выдают их за подлинные исторические факты. Одни следуют историко-филологическому подходу, другие аналитическому или философскому. При этом на наличие существующего между обоими методами противоречия как правило не обращают должного внимания.

«Проблемный» подход выступает сегодня, пожалуй, единственным в отечественной историко-философской науке исследовательским методом, успешно решающим противоречие между философско-аналитическим и историко-филологическим подходами. Отсюда актуальность данной методологии, ее востребованность среди историков философии.

Список литературы

- 1) Алёшин А.И. История философии: о значении социокультурного контекста // История философии и социокультурный контекст – II: Материалы международной конференции. – М.: РГГУ, 2012. С. 9-14.
- 2) Вольф М.Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т.16. №2. С. 189-200.
- 3) Вольф М.Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сибирский философский журнал. 2017. Т.15. №2. С. 237-257.
- 4) Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. – 382 С.
- 5) Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Т.1. №2. С. 203-246.
- 6) Вольф М.Н., Бутаков П.А., Берестов И.В. Аналитическая история античной философии // Sententiae. 2013. №1. С. 68-80.
- 7) Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1. – СПб.: «Наука», 2006. – С. 349.
- 8) Кузнецова Н.И. История философии *contra* философия // История философии: история или философия? Алёшинские чтения – 2015: Материалы международной конференции. – М.: РГГУ, 2015. С.11-16.
- 9) Лебедев С.П., Романенко Ю.М. История философии: история или философия? // Вестник РХГА. 2015. Т.16. №4. С. 21-29.
- 10) Медведев Н.В. История философии как наука: проблемы и перспективы развития // Вестник ТГУ. 2011. №1. С.43-48
- 11) Фалёв Е.В. История как истолкование и историко-философский метод М. Хайдеггера // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №3. С. 30-39.